

А я думала, мы на море приехали

Хроники майского Кавказа-2017
М. Иванова (с дополнениями Н. Тихомирова)

29 апреля

Перед вокзальным табло, как всегда, толпились родители. Они то и дело метались между своими чадами и Полиной с Люшей. Впрочем, их взволнованность была отчасти обоснована. Марьяша что-то невразумительно брякнула про наш маршрут, а её мама решила, что мы не будем пользоваться транспортными средствами и пройдем 300 км. Поэтому Полине пришлось пересказывать наши умеренные планы, чтобы вывести её из заблуждения.

В поезде мы накинулись на кулебяку авторства мамы Петровича. Я быстро разделалась со своими кусками и уснула. Сквозь сон я слышала, как приходила проводница и предлагала всем обеды. Видимо, она не могла поверить, что можно отказаться от обедов для школьников, поэтому попыталась растолковать, что такое обед: первое, второе, хлебная булочка... Потом она предприняла ещё несколько тщетных попыток поговорить.

На следующий день ничего интересного не происходило. Устроили читальный зал и менялись книгами. Я чередовала чтение «Преступлений и наказаний» и Куваева. Временами я приступала к отвлечению (с целью развлечения меня) кого-нибудь с книгой.

1 мая

С утра, пока мы рассортировывали остатки еды по рюкзакам, солдаты, ехавшие в одном вагоне с нами, решили отдать нам ещё и коробки Военторга, в которые была напихана гора консервов, галет, спичек и разжигательных смесей (конечно, наибольшее пространство занимала еда). Мне она показалась абсолютно безвкусной, но некоторые уминали её за обе щеки.

В Новороссийске мы сразу же залезли в ожидавшую нас маршрутку, на которой доехали до щели Компасова. Едва мы вылезли из машины, как почувствовали сильнейший аромат весенних цветов. Мы двинулись по лесной дороге в сторону щели Красная. Среди прочей растительности под ногами то и дело попадались листья примулы, но лепестки, которые были необходимы Полининым коллегам, уже отлетели. Поэтому Полина пообещала назвать молодцом того, кто их найдёт. Но молодцом оказался только Лапоть, причем не просто молодцом, а многократным молодцом. С дороги свернули на тропу, поднимающуюся на склон, несколько напоминавший средиземноморским типажом г. Папай. Вскоре приятная низкорослая растительность с элементами нерасцветшего ясенца сменилась зарослями смилакса, навешанного на деревья. В целом ничего сверхъестественного в этом подъеме не было, но некоторые девятиклассники претендовали на звание чемпиона по капризам, кому-то просто было тяжело. И тех, и других приходилось подолгу ждать.

Мы встали в идеальном месте для лагеря. С одной стороны протекал небольшой ручеек, с другой – речка, которая водопадом обрывалась в щель Сосновую. Уникальность этого места заключалась в его малонаселённости. Благодаря этому вокруг было полно дров, не то что возле урочища Монастыри! Мы наскоро разбили лагерь, пообедали и отправились гулять.

Прогулка была замаскирована под флористическую экскурсию. Вокруг лагеря оказались заросли скополии, растения с множеством синонимов, по которым можно даже без Зернова догадаться об её воздействии на нервную систему. Залезли на хребет, покрытый мергельной крошкой, из которой торчали извилистые раскоряченные дубы. На таком месте приятно сидеть под закатным солнцем и смотреть на окружающий дубняк.

Один хребет зарос жёлтым рододендромом, обладающим маняще-дурманящим запахом. Наверное, такой запах должен быть в каждом цветочном магазине. Единственным отличием от цветника был звуковой фон: внизу, в лесу, заливалась лаем косуля. В прошлом году в Крыму мы долго отказывались верить, что безобидная косуля может лаять подобно бешеной собаке, и даже на обратном пути в Симферополе кто-то расспрашивал Люшу, кто же всё-таки лаял в лесу. Но нынче девятиклассники оказались доверчивее нас и не подвергали слова преподавателей сомнению.

Перед ужином Петрович доложил нам об орогенезе Кавказа. Потом его сменила Полина рассказом о климате Крымско-Новороссийской флористической провинции и Колхиды. Обычно вечером ярких событий не происходит. Но иногда бывают исключения: может внезапно кто-нибудь приехать, но чаще кто-то произносит фразу, которая становится главной темой поездки и впоследствии заглавием стенгазеты. Сегодня так и произошло. Ужин готовили Аня Лысаковская и Катя Морозова. Они никак не могли соорудить из тлеющих углей костра, дров, казана, гречки и тушенки что-нибудь путное. Вместо этого они были заняты телефоном. Оказалось, что Google здесь не ловит, и не у кого спросить, как варить гречку в казане на костре во время похода. Даже в специальном кулинарном приложении про такое не сказано. Лапоть придумал, что можно по любому самому абсурдному поводу спрашивать совета у Google, например: «Окей, Google, как подложить дрова в костёр?».

2 мая

Я люблю дежурить утром: никто не мешается, не нудит над ухом. Можно помечтать, разжигая костёр. Вечером я запланировала испробовать солдатский разжигательный набор, но, как выяснилось, с утра во мне исчезает дух экспериментаторства.

Сегодня был день исполнения Катиных желаний. В Москве она решила, что весенняя практика – практика по сравнению лучших купальных мест на море, и поехала. Кажется, она не могла думать ни о чём, кроме моря. Поэтому, оставив Полину в лагере, мы пошли к месту Катиной мечты по Сосновой щели. Вокруг было множество различных орхидей, хотя, кажется, в Крыму их было ещё больше. Мы шли по берегу реки, то и дело перепрыгивая по камням на другой берег, из-за постоянных прижимов.

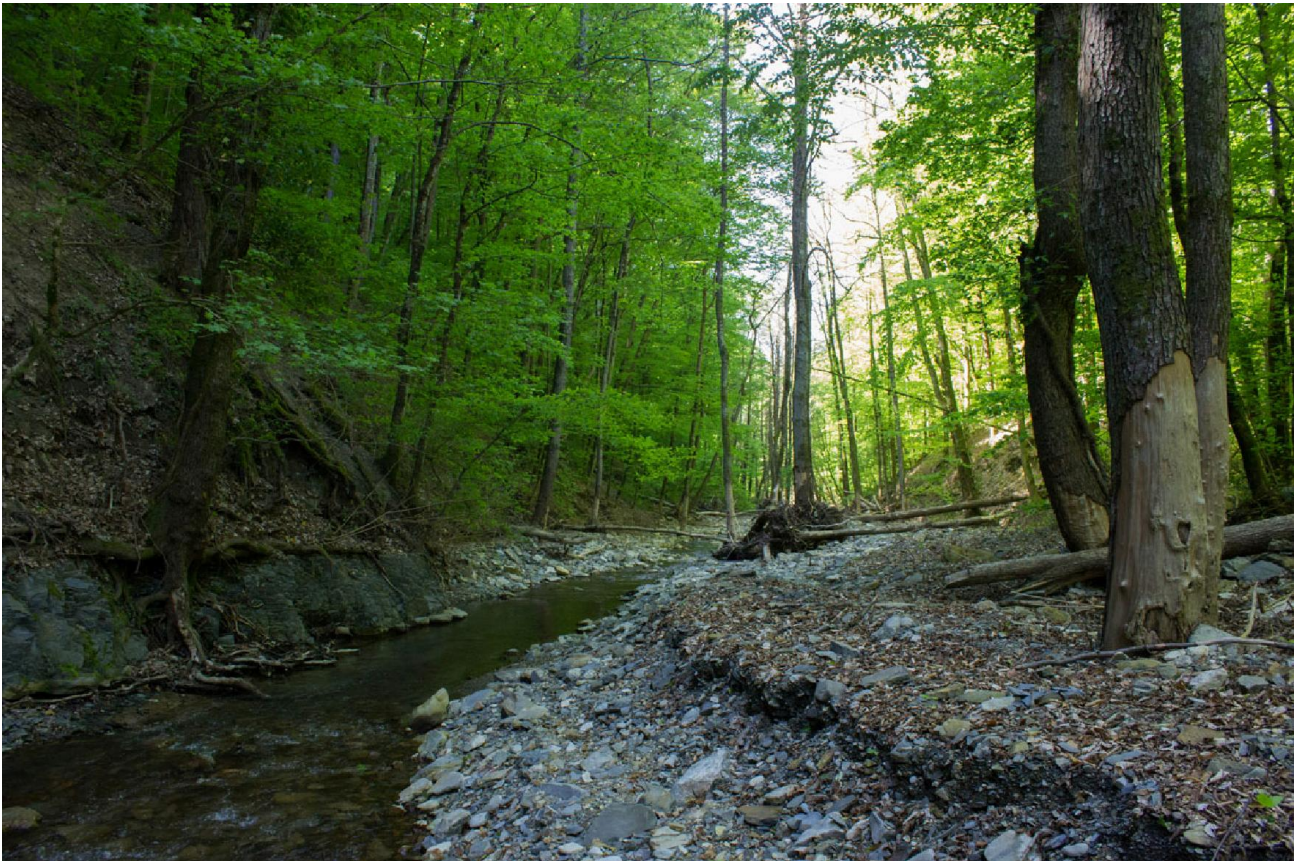
У Красной щели вышли на дорогу. Люша сразу кинулась к гулявнику, оказавшемуся желтушником, чтобы определить его. Я, конечно, сразу заприметила мяту. Однако никто не разделил мой восторг, а Петрович даже не смог отличить мятный аромат от запаха полыни. Раздосадованная, я не стала собирать её в обеденный чай. За обедом обнаружилось отсутствие чайной заварки и шоколада. Кроме того, не хватало роллтонов. Хорошо, что у многих в закромах оказались чайные пакетики, которые мы и употребили. Стеклокружка Юры не выдержала перемены температуры и треснула.

После обеда вернулись на дорогу. По дороге идти безрадостно, поэтому решили сыграть в контакт. Так мы и шли до моря. На пляже оказалось весьма пустынно. Местный сторож пофилософствовал о том, что, как только праздники кончаются, сразу люди появляются. К разочарованию Кати, на море мы провели минут 30. Зато я

осталась очень довольна, так как увидела ключевых обитателей Чёрного моря. Осенью два года назад в этом же месте мы ночевали на побережье в одной из щелей и видели светящихся динофлагеллят. На этот раз мы заметили группу дельфинов вдалеке. Люша, завидев их, сразу занялась фотоохотой, однако дельфины так и не попали в кадр. От созерцания окрестностей нас отвлекли промчавшиеся на бешеной скорости мотоциклисты. Интересно, что они делают дальше. В моём представлении, вскорости на их пути (в сторону, противоположную Кринице) мелкие камни сменяются крупными. По таким не промчишься.

Наскоро искупавшись, мы изучили приморские растения и двинулись к лагерю. Уля обнаружила чабрец на морском берегу и, не теряя времени, набила им запасную бандану.

Большую часть обратного пути мы прошли по тропке над речкой. Тропа шла без заметных подъёмов, поэтому никто не отставал. Я гордо замыкала шествие, пожёвывая соцветия клеячки и погрузившись в мечтания. По-моему, клеячка похожа на погрузневший каштан. У неё такие же свечи соцветий, только смотрят они не вверх, а вниз.

К нашему возвращению Полина сварила компот из изюма. Хорошо возвращаться к горячему компоту.

3 мая. День инвалида

Утренний завтрак был приготовлен по всем правилам биграминальной диеты: смесь кукурузной и пшеничной каши. Это блюдо следует включить в меню следующих

поездок.

Сегодня я впервые решила остаться в лагере по собственному желанию, уж больно вчера меня достала нога. Оказалось, что девятиклассники тоже не горят желанием идти. В итоге Лапоть, надеявшийся на тишину и медитацию в лагере, был окружен школьниками, которых нужно было развлекать. Пока Лапоть водил девятиклассников на экскурсию, мы с Улей попытались сделать инвалидный список-ключ местных растений. Однако у нас это выходило очень медленно, и мы решили сменить занятие. Мы почитали «Преступление и наказание» вслух, но это оказалось невыносимым занудством. Тогда я стала играть на гитаре, но тут вернулись девятиклассники, и я перестала. Обстановку немного оживила ящерица, потоптавшаяся на моей ноге (после чего она несколько дней не болела), а затем спрятавшаяся в костре. Потом нам всё же пришлось выгнать её оттуда, так как жареная ящерица в качестве обеда нас не устраивала. Так мы и сидели до вечера. Незадолго до возвращения Полининой группы мы поопределяли принесённые Лаптем три бобовины (*Genista humifusa*, *Coronilla coronata*, *Colutea cicilica*).

Вечером меня заставили играть на гитаре, но я, не удовлетворённая своими успехами, вскоре вернула гитару Лаптю.

Дополнение от Петровича.

Естественно, бóльшая часть школьников на дальнюю экскурсию до горы Михайловки идти отказалась. Мы оставили их с Лаптем и неразлучными Ульяной с Чумичкой на рекреацию в окрестностях лагеря. Таким образом, с нами с Полиной, Люшей и Юрой отправился дуэт девочек-девятиклассниц с рабочим названием «Лягушки», а из десятиклассников – только Свинюк. (Теперь назвать его Свинюком как следует можно только вне лагеря – крепнет движение борьбы за права свинюков.)

Едва мы забрались на гору, школьникам стали звонить не успокаивавшиеся, видимо, всё это время родители. Марьяна не могла от них отделаться даже тогда, когда мы уже тронулись в путь по хребтику, и мы ещё несколько минут то и дело слышали её робкие попытки попрощаться.

Девочки, дежурившие в первый день вечером и взявшиеся было за поиск в интернете рецепта варёной гречки, не дают нам покоя до сих пор, в результате чего во время подъёма родилось прекрасное название для стенгазеты: «Славно, яшень!». В противовес «Окей, Google!» – как-то это не по-нашему.

Ложка, которой я привык выкапывать тут на экскурсиях всё подряд, жгла мне руки, и, когда мы добрались до некоего подобия нагорных степей с новыми растениями, я дал ей волю. Однако грунт местами был твёрд и каменист, и в таких случаях приходилось дополнительно укреплять свою ложку Люшиной. В итоге мы придумали классифицировать грунт по трудности копания, используя ложку как единицу измерения, например, «субстрат – три ложки». Некоторые подземные органы моё копательное оборудование не брало, например, клубни зопника и «батат» (диоскорейное же!) Адамова корня. Ладно, настанет и их черёд, какие мои годы.

На одной небольшой вершинке Люша чуть не села на черепаху. Черепаха вряд ли была нам очень рада, но недовольство своё внешне никак не проявляла. Правда, черепахины эмоции нас волновали меньше, чем вопрос – что она тут делает? Потом, уже в Москве, выяснили – водится здесь сухопутная греческая черепаха, вид из Красной книги России, причём неподалёку есть их питомник. Но в первый момент это было, конечно, удивительно.

От Геленджика на восток до Михайловского Перевала идёт хорошо прорисованная на карте дорога, с которой смотреть на окружающую природу ещё приятнее, чем из окружающих кушере́й (только вот надо продраться через смилакс, окаймляющий её с обеих сторон). Сразу стали фантазировать, куда бы мы ходили по воскресеньям осенью, если бы гимназия стояла в Геленджике. А на майские каникулы ездили бы в Москву, по области – Петушки, Черусти, Чисмена...

Ванная на обеденном месте впервые не первосортная: для погружения надо свить гнездо из ежевики. Я, правда, нынче и сам не первосортный, потому что забыл роллтоны в лагере, как Даша давеча.

Там, где повыше, открывался красивый вид на зелёные горы, кое-где с более тёмными островками сосняков. Куда ни глянь, приятная глазу нетронутость, не считая пары просек да метеостанции на Тхабе. Мы от неё далеко, поэтому плохую погоду в этот раз она не генерирует.

До самой Михайловки решили из благоразумия не идти, ограничились горой Сенокосной, заросшей несенокосными породами вроде купыря и лилии-саранки. Мы распили там освежающий напиток из чабреца, шалфея, мяты (на этот раз я смог отличить её от полыни) и шипучей таблетки и пошли обратно.

В гору, за которой Полина пообещала лагерь, все рванули очень бодро, оставив саму Полину далеко позади. Но они и днём шли довольно весело, так что это было в порядке вещей. Просто Полина может идти в гору сколько угодно, сохраняя свою, пусть и небольшую, скорость, а им (да и мне порою) хочется скорее этот склон пропрыгать и воссесть на вершине.

Снова макнулись в водопаде перед входом в лагерь – это уже почти ритуал. Гному Быкову понравилось. Ну, тут и погода располагает.

Лапоть и компания в наше отсутствие время не теряли, нашли пару не встреченных нами растений и какие-то загадочные отпечатки на камнях навроде причудливых червей. Дадыка, правда, в Москве такую нашу догадку опроверг, заявив, что это не фоссилии. А что тогда?

Кривая накопления видов для списка пока почти прямая – сегодня после сеанса определения (Зернова-то с Чумичкой мы в лагере забыли!) к нему добавилось ещё 20 растений.

Нам очень импонирует привнесённая, кажется, Юрой Быковым педагогичная манера в любом случае предлагать школьникам выбор, и Чумичке, снова отказывавшейся играть на гитаре, мы предложили альтернативу: или она играет на гитаре, или мы отрываем ей голову. Пару песен мы от неё в результате услышали, но дальше дело снова не пошло. Эх, где-то сейчас Дадыка?..

4 мая

Утром мы проснулись под дуэт Лаптя и Юры Быкова. Кажется, песня была та же, что и на подъёме в Крыму. Потом к ним присоединилась Люша, и они спели песни, которые не успели вечером. Приходится навёрстывать упущенное, ведь Лапоть с гитарой сегодня уедет!

После завтрака я почувствовала себя гибридом курицы-наседки и медведя-пестуна, как меня окрестил на майском выезде Стёпа Фейгин: я заталкивала вещи в рюкзаки девятиклассников под стандартное «сюда ничего не влезает, лучше повесить сверху рюкзака спальник, ботинки и сапоги». Оказалось, некоторые не могут отличить полиэтиленовый пакет, в который было велено запихнуть содержимое, от тряпичного мешка.

Поднялись на хребет по милой тропке, разведанный Полиной вчера. Оказалось, что по разные стороны хребта – разная растительность: на одном склоне росли гигантские сосны (недаром же щель получила своё название!), на другом обычные буки и грабы. Всё же дойти до щели Компасова по милой тропке без приставучего смилакса нам не удалось: мы уткнулись в кабанью тропу, заросшую смилаксом. Впрочем, прошли её без особых приключений.

На «средиземноморском» склоне за эти два дня зацвело всё, кроме ясенца: льны, истоды, птармика. У шоссе тоже произошли изменения: появилась пасека. Мы вдоволь насмотрелись на неё, пока дожидались водителя. Он промчался мимо нас, мимо таблички «щель Компасова» и докатился чуть ли не до Геленджика, отыскивая нужную ему щель. За это время мы сделали групповую фотографию, закрепив фотоаппарат на штативе от Петровичевского телескопа, но водителя всё равно не было. Поэтому каждый развлекался как мог. Девятиклассницы плели венки из одуванчиков, Петрович сумел заснять редчайший кадр – Андрея, дующего на одуванчик с семянками, мы с Улей заплели Полине микро-косички.

В маршрутке ехали долго. Как полагается действующему чемпиону мира по сну с препятствиями, всю дорогу я проспала. В середине пути Полина вытащила меня в магазин. Я спросонку туго соображала, поэтому покупку сладкого я осуществляла, руководствуясь весом продукта, а не удобством дальнейшего дележа. После налёта на магазин я опять заснула, но успела увидеть золотой дождь (*Laburnum anagyroides*). Люша по привычке заменила второе слово на «несуху», и в итоге золотой дождь превратился в Курочку Рябу.

После Туапсе мы продолжили путь без Лаптя. Большое Псеушко не понравилось нашему водителю. Наверное, он, подобно девятиклассникам, недолюбливает места, где не ловит телефонная сеть. На автобусной остановке мы устроили поистине царский обед: мацони, кефир, сок, лаваш, сыр, колбаса, шоколадки. К сожалению, в посёлке нет общественной мусорки, каждый справляется со своими отходами как может. Поэтому, едва выйдя за пределы посёлка, мы устроили мусорный костерок старших.

Если места вокруг прошлой стоянки были знакомы достаточно смутно, то по здешним дорогам я шла, как будто бы была здесь вчера. Впрочем, в этот раз мы дошли до дороги, ведущей вверх, по тропке, отходившей вправо от дороги из посёлка. Полина не могла нарадоваться на мудрость прокладывавших эту тропу, подобную альпийским дорожкам.

Пока мы дожидались последних девятиклассников, Полина решила связаться с такси. Но связь была очень-очень слабой, а диспетчер – очень говорливым, и Полине никак не удавалось донести до него всю информацию целиком. В итоге мы просто отправили СМС.

По дороге меж зарослей рододендрона дошли до «попсового» дольмена. Полина с Люшей рассказывали о другом, не отмеченном в туристических маршрутах. Впоследствии они продемонстрировали его некоторым из нас.

Ближе к ручью Джако дорога перешла в тропку. Как Полина и обещала, весь склон зарос цветущими рододендронами. На одном из привалов Уля с Андреем и Люшей принялись закидывать камушки в буковое дупло.

Через Джако, в месте пересечения с тропой, переброшена пара брёвен. Так как в нашей группе не все были прирожденными эквилибристами, пришлось натянуть верёвку над бревнами. Но даже с этой мерой предосторожности Никита очутился в речке. Другой переправляемый утопил в ручье удобную палку, с помощью которой можно было переправляться без верёвки. Петрович, как самая настоящая цирковая

смешная крыса, по всем правилам буффонады, выудил её. Встали немного выше по течению.

Вечером пришлось проводить мастер класс по сушке ботинок газетой. Люша читала вслух Теллегена «Неужели никто не рассердится».

5 мая

Завтрак нам сварил Кошатица. Он представлял другой вариант биграминальной диеты: смесь кукурузы с пшеном. Также выяснилось, что на гору Лысую, или Семиглавую, хотят идти все-все-все. После завтрака мне пришлось распределять сладкое, которое я выбирала вчера. Оказывается, не так просто исправлять ошибки, совершённые в полусонном состоянии. В конечном итоге я более-менее справилась и велела остающемуся в лагере Петровичу на обед съесть половину шоколадки. Такое приказание очень развеселило его с Полиной, хотя шоколадка так и осталась целой. Может, надо было говорить: «Милый Петрович, съешь, пожалуйста, половину шоколадки»?

От нашего лагеря начиналась тропка, по которой мы и стали подниматься. Постепенно среди буков всё чаще и чаще стали попадаться пихты, встречались уже не маленькие деревца, а высоченные колонны. На одном из привалов-поджиданий девятиклассники стали прикидывать, сколько метров в пихтах. Мы так и не смогли определить высоту и остановились на 20-40 м. Земля сменилась слежавшимся за зиму снегом, усыпанным буковыми серёжками. Через пару часов вышли на хребет к памятнику солдатам. Казалось, что мы перенеслись на мартовский Кавказ: повсюду

виднелись поля кандыков, мускариков, примул. Вдали стояла рыжая палатка странной формы. К счастью, г. Лысая находилась в противоположной стороне.

Полина с Люшей не могли нарадоваться на открывавшиеся виды и голубое небо. И неудивительно: до этого им хронически не везло с погодой. Вообще в это время года хребет редко оказывается под солнцем, обычно скрываясь в тумане. Полина с Люшей нашли чернику, ту, что растёт в средней полосе, и которой занимается Петрович.

Мне, как и всем остальным школьникам, стали приходить СМСки, в основном про пропущенные вызовы от диспетчера такси. Я, в отличие от Полины, очень хотела, чтобы она-таки дозвонилась до такси. Но для того, чтобы добиться своего, мне пришлось чуть ли не гнаться за ней с телефоном. В итоге мы ограничились переговорами по СМС, впрочем, успешными.

Если на вчерашнем хребте стороны отличались друг от друга растительностью, то сегодняшний пошёл ещё дальше в этом разделении. На одной стороне хребта была весна, а на другой царила зима. Впрочем, снег был вполне плотный и неглубокий, поэтому мы шли почти не проваливаясь. Пообедали у родника под местной вершиной. Обычно у обеда единственная цель – пообедать. Но сегодня была и другая, мы хотели подождать, пока вершину покинут туристы.

С вершины можно было обозревать все окрестные горы, виден был Фишт. Мне это мало что говорит, но «вон там Фишт» я помню ещё с осеннего Кавказа в восьмом классе. Спустились по склону с обгорелыми рододендронами к тропинке, перешедшей в дорогу. Среди пихтово-букового леса выделялся огромный бук с гигантским капом размером с Никиту. После ручья, притока Джако, мы встретили группу туристов из Самары. Они бросились к нам, как будто бы были путниками в пустыне, а мы хранителями оазиса. Оказалось, что они не умели пользоваться картой и GPS. После Полининой краткой лекции по краеведению они, обрадованные тем, что идут в верном направлении, побежали дальше на Семиглавую.

Недалеко от лагеря нашли заросли странной крестоцветины, издали похожей на молочай. Так как у нас всё-таки ботаническая практика, то Люша, не теряя времени, вооружилась определителем Зернова и быстро вышла на род *Pachyphragma*. После скоростного определения мы вышли к лагерю, но с противоположного берега. Очень странно было видеть тент, костерок, палатки в 10 метрах и не иметь возможности подойти. Так как опять забираться на хребтик и спускаться к бревну-переправе нам было лень, мы просто перекинули новое бревно через ручей.

Вечером Люша читала книжку Теллегена «Прохор и Потап». Главные герои, два слонёнка, очень похожи на меня в раннем детстве. Видимо, у меня началась ломка по урокам математики, и ночью во сне я решала пример $4+5=6$. Так и не решила.

6 мая

Сегодня я опять устроила День инвалида. Я решила составить список местных видов. Он получился гигантским. Опрометчивыми выглядят девятиклассники, которые говорят, что им не хватает местных уникальных растений (таких, которые они не сдавали на мартовском Кавказе и в Молдино).

Дополнение от Петровича.

На этот раз девятиклассник с нами пошёл вообще один – Никита, остальные предпочли остаться в лагере. Мы оставили с ними Люшу и недоленную Чумичку, а сами отправились осматривать окрестные «псе» – скалы Псеченах и гору Псегеф.

По тропинке дошли до пасеки на Малой Наужи. По пути я собирал на определение и выкапывал растения с внезапно проклюнувшимся восторгом взбесившегося юнната. Это самое правильное занятие для первой половины дня – во второй собирать так уже не захочется.

Малую Наужи в районе лагеря мы перешли довольно быстро, благо девятиклассник был один, а вот с бродом у пасеки даже в таком составе пришлось повозиться. Берега реки поросли айлантом высочайшим – растением, имеющим совершенно инопланетный облик со своим моноподиальным ветвлением и полыми гладкими одревесневающими молодыми побегами. Дудка из него могла бы получиться неплохая, но он, кажется, ещё и ядовит. Типичный пришелец.

Дальше по треку из «Кавказии» поднялись, жуя молодые кисленькие буковые листья, до дольменов, найденных нами в 2014 году. Это самые правильные дольмены – затерянные среди смешанного леса девственного облика. Вряд ли про них много кто знает.

Нашли несколько видов растений, являющихся объектами филогеографических работ Полининых коллег, например, клён, ландыш. Ландыш Полина, правда, забраквала – а что он тут делает, а если это не ландыш и всё такое прочее, но мы его всё равно собрали. Мой ум был занят безуспешным поиском различий у кучи растущих здесь кустарников с белыми, зелёными и розоватыми цветочками. Подливала масла в огонь, опять же, Полина, пытавшаяся сосватать мне чернику как ясень или, на худой конец, как ясенец.

На этом же подъёме и пообедали, у хорошего ручейка с пихтами по берегам. Никита, хоть и ростом мал, оказался поест не промах – умял, помимо своей порции, роллтон

тосковавшей без Чумички Ульяны, заварив его чаем, и, кажется, был готов к ещё одной перемене блюд.

Со скал Псеченах, обозревая по ходу дела представшие нам в живописном виде окрестности, зарегистрировали ухудшение погоды на северо-востоке и решили смотыляться поскорее на Псегеф, пока не началось. Этот план мы и воплотили в жизнь. Скалы явно представляли бóльшую рекреационную ценность, чем гора – её вершину отмечали лишь валявшиеся среди деревьев на хребтике останки тригопункта. Кроме деревьев и прочих растений на склонах горы кое-где был снег, в который мы, к счастью, не проваливались. Теперь он был усыпан не буковыми листьями, как прошлой осенью, а буковыми почечными чешуями, цвет же от этого имел столь же рыжий.

Спуск группы школьников с Псегефа – не самое простое занятие. Я, конечно, эту свою догадку не проверял, но сосредоточенно-серьёзный вид Полины говорил сам за себя. Сначала были курумы, потом манёвры в подмоченных начавшимся на вершине несильным дождиком зарослях лавровишни, затем выбор нужного хребтика в заснеженной бучине, и везде надо обогнуть появляющиеся тут и там отвесные стенки. Правильный путь нам указал ни с того ни с сего упавший неподалёку огромный живой бук. По пути вниз сделали небольшую остановку для последнего взгляда на заходящее за хребет вечернее солнце, разъели остатки сухарей. Ульяна объявила голодовку; лучшим из предложенных решений (конечно, за авторством Юры Быкова) была установка в клетке у Ульяны зеркальца и колокольчика, призванных заменить Чумичку. У Джако напротив распадка и лагеря оказались ещё засветло, но было ясно, что светло будет недолго. Очевидных способов переправить школьников через ручей не было, и требовалось убедиться, что любой из нас сможет перейти её вброд. Полина собрала меня на другой берег, вручив GPS и дав наказ в случае чего взять в лагере пилу и верёвку. Забавно было после этого зайти в речку и непринуждённо прошлёпать до другого берега по дну – течение оказалось несильным. Вскорости мы оказались в лагере. Чтобы явиться мировой общественности, мне пришлось сменить свои совершенно уже непотребные лохмотья на человеческую одежду, позаимствовав её у Юры.

На мои собранные утром растения тут же накинулась Люша, не побрезговав даже осоками и молочаем, так что, когда я пришёл в себя, определять было уже нечего, и оставалось только добавить новые виды в список. Остаток вечера прошёл у костра: послушать Полинин рассказ про наши сегодняшние похождения было интересно даже их участникам, кроме того, им, конечно, хотелось высушить начерпавшие снега ботинки. Люша в лагере, конечно, времени даром не теряла, и школьники рисовали у неё цветковые диаграммы. С дневниковыми записями я даже не смог уложиться до отбоя, столько всего произошло в День Весенней Непредсказуемости. (Вспоминать о нём, конечно, нужно уже после того, как этот день прошёл, а то не миновать ещё чего-нибудь эдакого неожиданного. Мы, например, были неправы, впервые заговорив о нём сегодня до переправы через Джако).

7 мая

Сегодня я решила не повторять вчерашнюю ошибку и пошла на хребет Мезецу, также называемым Пшенахо. Почти все девятиклассники последовали моему примеру. В итоге в лагере остался Юра Быков и Катя Морозова, которая готовилась представить отказ от прогулки по всем правилам школьника, но никто и не подумал уговаривать её развеяться в горах. Мы прошли по тропе, ведущей к развилке дорог на Б. Псеушхо и пасеку, и вскоре свернули в гору.

Дороги на хребет в месте нашего подъёма не было. Поэтому мы карабкались по почти вертикальному склону, поросшему ежевикой, черникой и рододендронами. Я подумала, что на таком склоне неплохо проводить тренировки для спортсменов. В тех местах, где растёт ежевика, тренируются ноги. А там, где растёт рододендрон – можно подтягиваться на руках. В данной схеме черника выполняет витаминную роль. Едва мы взошли на хребет, как начался дождик. Но он, посмотрев на наши решительно надетые хмизы, решил подождать. На хребте не было гадкой хмеречи, и мы бодро зашагали по лесовозной дороге. За одним из поворотов внезапно появились туристы. Как положено настоящим туристам, у них были всяческие украшающие жизнь атрибуты, например, перчатки. Хотя вид у них был не больно радостный, ещё бы, лезть на этот неудобный хребет с рюкзаками!

Для обеда пришлось топить снег. В ожидании кипятка девятиклассники уткнулись в телефоны. Так как телефоны были не у каждого, то вокруг одного телефона собиралось некоторое количество зрителей. В какой-то момент общее увлечение передалось и мне. Но, как только Петрович попытался сфотографировать это телефонное помутнение сознания, все тотчас отвернулись от манящего объекта. После пошли дальше. Спустился туман. Девятиклассники то и дело фотографировали всё вокруг. Мне кажется, они вообще не выпускают из рук телефоны; сразу узнают о появлении связи и начинают трезвонить родителям. Спустились по довольно крутой дорожке. Потом поднялись по соседней. Дорога была достаточно крутой для того, чтобы Аня Чеченина смогла пнуть идущую сзади Марьяшу и в ответ на её недовольство спокойно спросить: «Марьяша, ну как там с дистанцией?»

В какой-то момент мы оказались в сложной сети ложбинок и ручейков на очень крутом склоне. Полина то и дело повторяла: «Хочу, чтобы все школьники оказались на дороге». Потом её желания увеличились. Она захотела, чтобы школьники оказались сразу в лагере.

На подходе к лагерю наткнулись на избушку. Внутри была печка, нары с матрацами, стол с едой. Вход в неё был подобен некоему ритуалу. Сперва мы обошли её по кругу и только после этого открыли дверь.

Подходя к лагерю, кто-то заметил постоянное смешение запахов. Один был приятный цветочный, а другой очень резкий. Понятно, что второй запах был не чем иным, как запахом кивсяков, которые сидели в лесной подстилке. Люша, решив наглядно продемонстрировать нам этих многоножек, предлагала каждому понюхать их.

8 мая

Утром мы быстро собрались и пошли обратной дорогой. Небо явно сдерживалось из последних сил, чтобы не обрушиться на нас дождём. Под ногами постоянно металась ящерица. Около «связного» дерева мы устроили кружок старших: в него входили только те, кто уже доучился как минимум до 10 класса. По дороге вниз Полина рассказывала Петровичу, что его ожидает в поездке с венграми. Как потом оказалось, всё произошло в точности по её словам. Хотя поверить трудно.

В Большом Псеушхо Полина с Петровичем сбегали за местным сыром и молоком в разведанный во время осеннего Кавказа дом.

В Туапсе Полина отправила «кружок старших» за едой для поезда. Обычно еды в поезд бывает столько, что можно её есть, не задумываясь о её количестве. В этот раз мы не выполнили это условие.

Едва мы сели в поезд, как Никита решил полакомиться роллтоном. К его удивлению, из крана титана лилась холодная вода, несмотря на то, что на кране была

красная метка. Полина сперва не обратила на это происшествие ни малейшего внимания, ведь не каждый раз подают поезд с горячей водой. Через некоторое время она, заливая чай кипятком, обнаружила под титаном неприметный красный кран, предназначенный для сброса технической воды. Понятно, что именно из него текла холодная жидкость.

Большую часть пути мы с Улей составляли список найденных растений и ключи к некоторым сложным для определения родам и семействам. Но этот процесс слишком зануден, чтобы занимать значительную долю рассказа.